

«Интеграция снизу» в Центральной Азии*

Либман А.М.

Старший научный сотрудник Института экономики РАН, докторант Маннгеймского университета, ассоциированный исследователь Центра российских исследований Восточно-Китайского университета, к.э.н.

Электронная почта: Libman@rambler.ru

Информация об авторе: к. э. н. Закончил Финансовую академию при Правительстве РФ и аспирантуру ИМЭПИ РАН, в течение двух лет стажировался в Марбургском университете. Автор двух монографий и около 200 печатных работ, в том числе в журналах «Europe-Asia Studies», «European Journal of Comparative Economics», «Social Sciences», «Вопросы экономики», «Общественные науки и современность», «Прикладная эконометрика», «Мировая экономика и международные отношения», «Общество и экономика», «Российский журнал менеджмента», «Свободная мысль» и других.

Введение

Проблема региональной интеграции остается в числе ключевых тем экономического развития постсоветской Центральной Азии. Можно даже сказать, что в отличие от других регионов постсоветского мира, экспертное сообщество и на Западе, и в странах СНГ, в большей степени сходятся в положительной оценке потенциала экономической интеграции в Центральноазиатском регионе или в «регионе Каспийского моря» (Bartlett, 2001; Gleason, 2001). В литературе, однако же, основное внимание уделяется «интеграции сверху» за счет взаимодействия на уровне правительств, результаты которой до сих пор остаются крайне ограниченными.

В нашей работе мы попытаемся взглянуть на проблемы региональной интеграции в Центральной Азии с другой точки зрения: хорошо известно, что дефициты в развитии формально-государственной интеграции, или *регионализма*, нередко компенсируются успехом *регионализации* («интеграции снизу») или трансграничного взаимодействия негосударственных экономических и политических игроков: торговых сетей, трансграничных инвестиций и производственных сетей и миграции.

В принципе, можно говорить о двух моделях «интеграции снизу». Первая модель, «инвестиционная», основана на прямых инвестициях крупных транснациональных корпораций, и предполагает достаточно высокий уровень экономического развития хотя бы ведущих государств региона. Вторая модель, «неформальной торговли», носит более архаичный харак-

* Статья написана в рамках проекта «Emerging Market Economies in Central Asia: The Role of Institutional Complementarities in Reform Process», поддержанного Фондом Фольксвагена. Автор благодарит М. Штарка и Б. Хейфеца за ценные замечания и помощь в поиске данных. Все ошибки принадлежат автору.

тер и связана с появлением неформальных трансграничных торговых сетей, в основном, оперирующих в нелегальном секторе.

В некоторых регионах сочетаются обе модели. Например, в Восточной Азии основными «интегрирующими факторами» выступают инвестиции японских ТНК и трансграничные деловые сети китайских этнических сообществ (Peng, 2000; Kawai, 2005), а в отношениях США и Мексики – американские корпорации (*maquiladoras*) и неформальные сети испаноязычных мигрантов. «Модель неформальной торговли» присутствует, например, в Западной Африке (Meager, 1997) и в меньшей степени в Южной Азии (Taneja, 2001; Rafi Khan, 2007).

В нашей работе мы попытаемся проанализировать роль «интеграции снизу» в Центральной Азии. Исследования неформальной региональной интеграции связаны с двумя важными ограничениями (Breslin, 2000). Во-первых, границы регионов становятся менее определенными. Если регион рассматривается как кластер социально-экономических взаимосвязей, в отличие от формальных проектов регионализма, он, очевидным образом, не имеет точных внешних барьеров. Во-вторых, сам выбор региона для анализа может являться результатом «ментальных карт» исследователя, воспроизводящих и продуцирующих «изобретенные» (*imagined, invented*) регионы (Шенк, 2001; Миллер, 2002).

Если анализ регионализации основан на качественных данных (например, в силу низкого качества статистической информации), как в нашем случае, ментальные карты *исследователя* способны исказить выводы, особенно в отношении причинно-следственных взаимосвязей. С другой стороны, ментальные карты *авторов* (частично определяющиеся в рамках академической дискуссии) влияют не только на *восприятие* регионов, но и на конкретные решения (например, за счет реальной или «изобретенной» психологической дистанции). Во-вторых, определение региона в категориях национальных государств не всегда эффективно для анализа неформальной интеграции: прежде всего, если в регионе присутствуют процессы «микрорегионализма» и «микрорегионализации», основанные на взаимодействии на уровне субнациональных политических единиц.

В нашей работе мы определяем «Центральную Азию» как пять бывших советских республик. С одной стороны, страны региона в подобной трактовке характеризуются сравнительно длительным периодом общей экономической и политической истории и тесных взаимосвязей, в конечном счете, даже определивших сам процесс формирования наций и границ в современной Центральной Азии (Абашин, 2007). С другой стороны, необходимо понимать, что Центральная Азия является «формирующимся регионом» (Казанцев, 2005), то есть сама концепция региона и структура экономических и политических отношений могут быть переопределены. Что касается микрорегионализма, то ситуация также является неоднозначной; страны региона характеризуются высокой политической и фискальной централизацией (Ufer and Troschke, 2006; Leschenko and Troschke, 2006), в то время как для успеха микрорегионализма крайне важным является именно процесс децентрализации в странах региона. Это подтверждает,

например, опыт КНР (Breslin, 2000a) или «парадипломатии» российских регионов (Magone, 2006). Но, с другой стороны, географические размеры стран региона (особенно Казахстана) и низкое качество транспортных коммуникаций, а также серьезные внутренние различия (скажем, в Кыргызстане и Таджикистане) могут содействовать формированию субнациональных кластеров экономической активности.

Регионализация в Центральной Азии

Постсоветская регионализация и Центральная Азия

Несмотря на крайне низкий уровень межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве, регион характеризуется достаточно активной «интеграцией снизу». Она основана на четырех составляющих. Во-первых, с начала 2000-х годов российский бизнес активно «осваивает» постсоветский регион за счет приобретения активов, создания совместных предприятий, а в последнее время – и инвестиций «с нуля» (Хейфец, Либман, 2008). Инвестиционная экспансия российского бизнеса лишь частично учитывается в официальной статистике в результате использования оффшорных схем и неформальных каналов. Основными секторами инвестиций традиционно являются нефтегазовая отрасль, металлургия и телекоммуникации, хотя в последнее время резко возросла диверсификация структуры капиталовложений российских компаний.

Во-вторых, постсоветские страны связаны единством инфраструктуры (скажем, железных дорог или электроэнергетики). В-третьих, существует масштабный переток трудовых ресурсов между странами региона (Ivakhnyuk, 2006). В-четвертых, все еще сохраняется значительный уровень социальной интеграции на основе межличностных сетей и использования русского языка как *lingua franca* (Наследие Евразии, 2007).

Таким образом, регионализация основана как на «исчезающей реальности» советского прошлого, так и на логике, типичной для большинства молодых ТНК развивающихся стран (Davidson, 1980, Bell and Pennings, 1996). В то же время регионализация в СНГ носит крайне асимметричный характер, связанный с ролью России как ключевого рынка и источника инвестиций. В отличие от, например, Африки, насколько мы можем судить, в СНГ отсутствует масштабная интеграция на основе «модели неформальной торговли», что может быть связано как с общим уровнем экономического развития, так и со спецификой отраслевой структуры стран СНГ, где ключевую роль играет глобальная торговля сырьем. «Инвестиционная» модель играет гораздо более важную роль. В то же время *после периода спада 90-х годов, торговля в настоящее время стабилизировалась на уровне, слишком высоком, с точки зрения предсказаний «гравитационных моделей»* (своеобразный «эффект границы» наоборот) (Fidrmuc, Fidrmuc, 2001; Djankov, Freud, 2002; Elborg-Voytek, 2003, de Sousa and Lamotte, 2007).

Что означает эта крайне асимметричная регионализация для Центральной Азии? Теоретически, игроки, находящиеся вне региона, (как, скажем, российские корпорации) могли бы содействовать неформальной интегра-

ции в Центральноазиатском регионе. Подобную роль, скажем, в Юго-Восточной Азии играют японские и (частично) американские ТНК (Dobson and Yue, 1997). Однако в этом случае требуется, чтобы выполнялись два дополнительных условия: во-первых, внерегиональные игроки должны присутствовать в нескольких странах региона, и, во-вторых, их бизнесы в отдельных странах должны быть связаны между собой.

Насколько можно судить, в Центральной Азии число отраслей, где выполняются оба условия, крайне ограничено. Потенциально можно говорить о двух сферах: мобильной связи, где «большая тройка» российских игроков активно осваивает рынки региона (российские компании нередко жестко конкурируют за привлекательные активы), а также в электроэнергетике, где ключевым игроком является «Интер РАО ЕЭС», присутствующая в Казахстане, Таджикистане и (потенциально) в Кыргызстане. Высокая степень взаимосвязи энергетических систем постсоветских стран может содействовать регионализации, однако торговля электроэнергией между странами региона в последние годы сократилась, а модели организации электроэнергетики в отдельных странах Центральной Азии сильно отличаются друг от друга. Российские игроки могли бы, в силу аналогичных причин, содействовать регионализации в нефтегазовой сфере, но здесь их присутствие, хотя и увеличивается, остается крайне ограниченным.

Наконец, регионализация в результате деятельности внерегиональных игроков может быть основана на «посреднической» функции отдельных территорий и стран, превращающихся в «ворота» для инвестиций в регион, в целом, – как это, например, происходит в регионе «большого Китая» (Breslin, 2004). Но в постсоветском мире тесные двухсторонние связи России с отдельными странами СНГ делают использование подобных посредников излишним. Впрочем, и здесь ситуация неоднозначна. Как отмечал в октябре 2006 года Председатель Ассоциации казахстанских инвесторов в Кыргызстане Бахытбек Желдибаев, казахстанские компании, в отличие от бизнес-структур других стран, находятся «в более выгодном положении. Во-первых, киргизы и казахи имеют схожие язык, традиции, веру, психологию, рассуждают и думают одинаково. Во-вторых, нам не нужны посредники. В этом наше преимущество перед европейскими, китайскими и российскими инвесторами. Кстати, последним, здесь [в Кыргызстане] также работает вполне комфортно, но их напора мы пока не ощущаем» (Кузьмин, 2007), то есть Казахстан все же «ближе» к Кыргызстану, чем Россия. Однако, как будет показано далее, экономические отношения Казахстана и Кыргызстана являются уникальными для Центральной Азии. Что касается Таджикистана, то здесь присутствие российского бизнеса является более значимым. В будущем, потенциальными внерегиональными игроками могут стать корпорации КНР, но в настоящее время этот вопрос относится к области спекуляций.

Инвестиции

Рассмотрим теперь собственно внутрирегиональные факторы интеграции. В отличие от других субрегионов СНГ, где роль взаимных инвестиций остается ограниченной (есть определенные свидетельства инвести-

ций Украины в Молдове – особенно в Приднестровье – и Азербайджана в Грузии), в Центральной Азии ситуация является совершенно другой: экономический потенциал частного и полугосударственного бизнеса Казахстана делает его важным игроком, осваивающим экономики стран региона. Хотя основным направлением инвестиций из Казахстана является Россия, центральноазиатские страны также играют все более важную роль. С формальной точки зрения, по данным статистики Казахстана по состоянию на 30 сентября 2007 года, Кыргызстан занимал 13 место по объему совокупных накопленных инвестиций из Казахстана (1.3%, \$481 млн, в т. ч. \$240 млн прямых инвестиций), Узбекистан – 20 место (\$199 млн, в т. ч. \$109 млн ПИИ), а Таджикистан – 21 место (\$188 млн, в т. ч. \$24 млн ПИИ), то есть роль стран Центральной Азии является незначительной и существенно уступает таким объектам для инвестиций, как Россия, США, Великобритания или Британские Вирджинские острова (БВИ). Однако следует учитывать, что экономики стран Центральной Азии являются сравнительно небольшими, и даже ограниченные инвестиции из Казахстана могут оказаться критически важными. Например, по данным статистики Кыргызстана, казахстанские инвестиции являются сейчас ключевым источником ПИИ, составляющим около 50% их совокупного притока (см. рисунок 1). К сожалению, аналогичные данные национальной статистики Узбекистана и Таджикистана отсутствуют. Однако грубое представление относительно роли инвестиций из Казахстана может быть получено на основе сопоставления данных о зарубежных инвестициях, казахстанской статистики, и данных о совокупном притоке инвестиций из всех стран (согласно статистике Таджикистана на основе платежного баланса). В этом случае за первые девять месяцев 2007 года на Казахстан пришлось 21% притока инвестиций и 4% ПИИ в экономику Таджикистана (на Россию как основного инвестора приходилось около 40% притока инвестиций)¹. Наконец, важную роль могут сыграть и опосредованные инвестиции через оффшорные зоны (скажем, БВИ).

Низкое качество статистических данных заставляет нас обратиться к исследованию конкретных случаев (case studies) инвестиционного взаимодействия в регионе. Полученный на основе сообщений компаний и данных прессы список проектов, в основном включает в себя инвестиции Казахстана в Кыргызстане; в какой-то степени это может отражать смещение данных, но может рассматриваться и как признак значимости взаимосвязей Казахстана и Кыргызстана в общих процессах регионализации в Центральной Азии. Прежде всего, ключевую роль в инвестиционной активности Казахстана в регионе играет банковский сектор. Успехи развития банковской системы Казахстана, уникальные по меркам постсоветского пространства, делают казахстанские банки важными игроками в процессе инвестиционной экспансии. Основными активами, принадлежащими банкам Казахстана, являются «Инвестиционный экспортно-импортный банк» в Кыргызстане (БТА, первоначально Темирбанк), «Казкоммерц-

¹ Этот показатель является крайне грубой оценкой. Хорошо известно, что прямое сопоставление данных об инвестициях разных стран СНГ дает сильно различающиеся результаты (Vahtra, 2005); дополнительной трудностью является сопоставление данных статистических ведомств и платежного баланса.

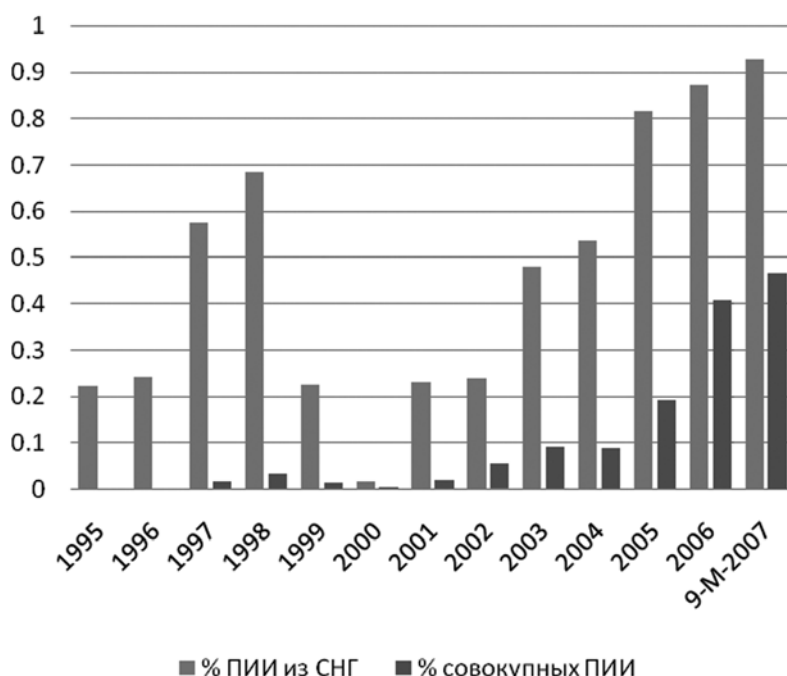

Рисунок 1:
Взаимосвязь качества
государственного
управления
и численности
населения стран
интеграционной
группировки

Источник:
составлено автором

банк Кыргызстан» и «Казкоммерцбанк Таджикистан» (Казкоммерцбанк), «АТФ Банк – Кыргызстан» (АТФ), «ФинансКредитБанк» в Кыргызстане (Seimar Alliance Financial Corporation) и «Халык Банк Кыргызстан» (Народный банк Казахстана). Государственный банк развития Казахстана имеет представительство в Узбекистане. Казахстан является крупнейшим инвестором в банковском секторе Кыргызстана, контролируя около 30% капитала банковской системы (Абалкина, 2007, с. 43) и около 50% рынка банковских услуг (Кузьмин, 2007). В других странах Центральной Азии роль казахстанских банков менее заметна.

Далее, необходимо отметить инвестиции Казахстана в рекреационный комплекс в Кыргызстане, особенно в регионе Иссык-Куля (UNDP, 2006, р. 28). Данные в отношении данного сектора являются фрагментарными, но, согласно косвенным свидетельствам, число контролируемых казахстанским бизнесом объектов может быть значительным. Наиболее известной сделкой является передача четырех объектов Казахстану на основе подписанного в 2001 году и ратифицированного в 2008-м межправительственного соглашения; однако она, по всей видимости, отражает лишь вершину айсберга. В марте 2008 года правительства Казахстана и Кыргызстана заявили о намерении поддержать строительство новой дороги Алматы – Чолпон-Ата, способной резко повысить привлекательность Иссык-Куля для казахстанских туристов; однако проект пока далек от реализации.

Наконец, казахстанские инвесторы присутствуют в горнодобывающей, строительной отраслях Кыргызстана, секторе СМИ и операций с недвижимостью. В число контролируемых активов входят Кантский цементно-

шиферный завод, кукурузно-паточный завод, два завода железобетонных материалов, Deniz Oil, Токмакский кирпичный завод, завод по обработке шерсти в Токмаке (ПОШ), Кадамджайский сурьмяной комбинат, «Кыргызэнергоремонт» в Бишкеке. Казахстанский бизнес участвует в разработке золоторудного месторождения Талды-Булак (компания «Саммерголд») и Джеруй (Visor Holding). В других странах региона также присутствуют определенные инвестиции. В Таджикистане «КазИнвестМинерал» в 2006 году приобрел Адрасманский горнодобывающий комплекс за \$3.2 млн.

В 2004 году «КазТрансГаз» и «Кыргызгаз» создали совместную компанию «КырКазГаз», управляющую газопроводом, соединяющим север Кыргызстана и юг Казахстана. Как и в СНГ в целом, несмотря на доминирование проектов, связанных с покупкой уже существующих активов, расширяется сектор инвестиций «с нуля», как, например, начатый сравнительно недавно проект строительства ферросиликоалюминиевого завода в Таш-Кумыре в Кыргызстане стоимостью в \$100 млн.

Наконец, правительство Казахстана проявляет крайнюю заинтересованность в энергетических активах Кыргызстана и Таджикистана (в частности, в начале 2008 года прозвучали заявления о желании принять участие в реконструкции Камбаратинской и Рогунской ГЭС), однако пока любые перспективы в этой сфере остаются туманными и зависят от позиций российского бизнеса. Инвестиции Казахстана в основном определяются доступом к дешевой рабочей силе и природным ресурсам; доступ к рынкам играет меньшую роль (за некоторыми важными исключениями, как, скажем, в банковской сфере).

Инвестиции прочих стран Центральной Азии в Казахстан являются незначительными. По итогам первых девяти месяцев 2007 года на Узбекистан пришлось лишь около 0.004% притока ПИИ в Казахстан (или 11% из стран СНГ)², на Кыргызстан – 0.008% (22% СНГ). Мы не располагаем данными по инвестициям Таджикистана в Казахстан и по взаимным инвестициям стран Центральной Азии. Таким образом, регионализация в Центральной Азии, как и в СНГ, носит асимметричный характер. Казахстан является основным источником инвестиций, а Кыргызстан – основным получателем капиталовложений. В Таджикистане инвестиции из Казахстана присутствуют, но уступают по значимости российским (в Кыргызстане ситуация является прямо противоположной). Узбекистан и (в особенности) Туркменистан практически не вовлечены в структуру внутрирегиональных инвестиционных потоков.

Торговля и миграция

С точки зрения формально регистрируемой взаимной торговли, ситуация в Центральной Азии немногим отличается от ситуации в СНГ в целом.

² В Узбекистане в настоящее время функционирует 96 предприятий с казахстанскими инвестициями (например, в сфере торговли, строительства, легкой и пищевой промышленности, металлообработки); в Казахстане присутствует 715 малых и средних предприятий с инвестициями из Узбекистана в сфере торговли, производства, пищевой промышленности, услуг, операций с недвижимостью, стекольной промышленности (РИА Новости, 2008, 21 апреля). Однако делать какие бы то ни было выводы по этим данным крайне сложно.

Региональная концентрация экспорта свойственна в основном Кыргызстану за счет его тесной связи с Казахстаном. Для Кыргызстана и Таджикистана характерна региональная концентрация импорта (см. таблицу 1). Несколько иные выводы могут быть получены на основе иерархического кластерного анализа торговых потоков, на основе меры различия (dissimilarity measure), результаты которого приводятся ниже (см. рисунок 2). В то время как Казахстан характеризуется более высоким уровнем рыночной интеграции с Россией, чем с другими странами СНГ, Кыргызстан и Таджикистан действительно формируют кластер торговли. В перспективе, фактором, содействующим росту внутрирегиональной торговли, могут стать общие проблемы инфраструктуры, особенно в сфере торговли электроэнергией и водных ресурсов (Vinokurov, 2007). Даже если торговые потоки и являются небольшими с точки зрения количественных показателей, они могут сыграть ключевую роль с точки зрения их места в структуре экономики.

Таблица 1

Структура внутри- и межрегиональной торговли в Центральной Азии, 2006

Источник:
Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2007.

Из (экспорт), в (импорт)	Показатель	В (экспорт), из (импорт)					
		Казахстан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан	Узбекистан	Центральная Азия в целом
Казахстан	Доля совокупного экспорта		0.700%	0.054%	0.412%	1.006%	2.171%
Казахстан	Доля экспорта в СНГ		4.804%	0.371%	2.824%	6.902%	14.901%
Казахстан	Доля совокупного импорта		0.587%	0.560%	0.117%	1.348%	2.611%
Казахстан	Доля импорта в СНГ		1.255%	1.199%	0.250%	2.884%	5.589%
Кыргызстан	Доля совокупного экспорта	20.476%		0.264%	3.010%	3.513%	27.264%
Кыргызстан	Доля экспорта в СНГ	42.902%		0.554%	6.306%	7.361%	57.124%
Кыргызстан	Доля совокупного импорта	11.628%		0.105%	0.163%	3.783%	15.679%
Кыргызстан	Доля импорта в СНГ	20.161%		0.182%	0.283%	6.559%	27.185%
Таджикистан	Доля совокупного экспорта	1.987%	0.801%	0.007%		4.818%	7.613%
Таджикистан	Доля экспорта в СНГ	14.938%	6.018%	0.054%		36.217%	57.227%
Таджикистан	Доля совокупного импорта	10.838%	1.631%	3.501%		10.223%	26.193%
Таджикистан	Доля импорта в СНГ	16.976%	2.555%	5.483%		16.012%	41.026%

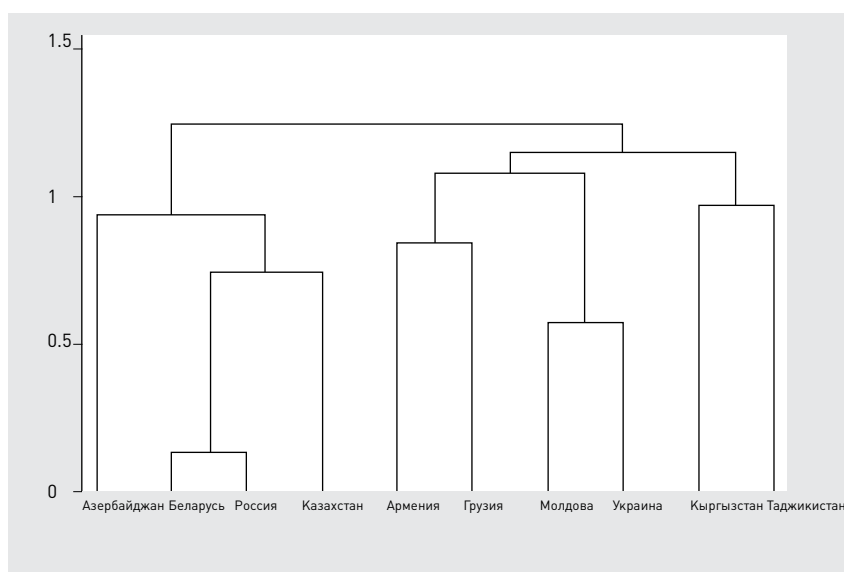
Примечание: Данные по Узбекистану и Туркменистану (частично) отсутствуют.

Рисунок 2

Кластеры
внутрирегиональной
торговли в СНГ, 2006

Источник:

Кластерный анализ
на основе кластеров
Уорда.

Примечание:

Матрица различий (dissimilarity matrix) определяет меру различий как 1 минус доля торгового оборота между странами i и j в совокупном торговом обороте страны i со странами СНГ, цены экспорта. На оси ординат приводится мера различия (dissimilarity measure) стран

Расчеты автора по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ.

Тем не менее, формально регистрируемая трансграничная торговля, насколько можно судить, характеризует лишь одну сторону медали. Исследования рынков потребительских товаров с точки зрения «закона одной цены» свидетельствуют, что влияние границы на вариацию цен между рынками Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана является незначительным, а трансграничная дифференциация цен практически эквивалентна внутренней (Grafe et al., 2005), что, конечно, само по себе еще не является свидетельством интеграции внутренних рынков, но все же может отражать наличие трансграничных взаимосвязей. Роль неформальных трансграничных сетей в торговле потребительскими товарами, очевидно, выше, чем в структуре операций на сырьевых рынках. А ведь именно торговля сырьем оказывает ключевое влияние на приведенные выше статистические данные. Деловые сети играют важную роль как в целом для Центральной Азии (Spechler, 2000), так и для отдельных стран, в том числе Таджикистана (Olimova et al., 2006) и даже Туркменистана (вдоль границы с Узбекистаном) несмотря на существующие ограничения торговли (Badykova, 2006). Неформальные сети торговли распространяются за пределы собственно Центральной Азии, соединяя регион с другими частями Евразийского континента (Кайзер, 2002; Evers and Kaiser, 2000).

Трудовая миграция также играет определенную роль в регионе. Опять же, основным центром миграции остается Россия, но Казахстан играет все более важную роль с точки зрения привлечения мобильных трудовых ресурсов, в какой-то степени вступая в конкуренцию с Россией. Как и в

случае с инвестиционным взаимодействием, речь идет об асимметричной структуре, сформировавшейся в последние годы, и напрямую связанной с экономическим успехом Казахстана. Основными источниками трудовой миграции в Казахстан являются Узбекистан (где имеется определенное казахское меньшинство) и Кыргызстан. Хотя Казахстан и реализует политику привилегированного режима иммиграции для этнических казахов (оралманы), существует значительная неформальная трудовая миграция, превышающая официальную миграцию. Число мигрантов из Узбекистана в Южном Казахстане – наиболее привлекательном для них регионе – по разным оценкам, составляет от 200 тысяч до 1 млн человек. Относительно небольшими масштабами характеризуется миграция из Узбекистана в Кыргызстан (Mogilevsky, 2004, p. 27). Трансферты мигрантов оказывают серьезное влияние на структуру потоков капитала в регионе (Садовская, 2005, 2006). Для Таджикистана Россия остается абсолютным лидером, с точки зрения привлечения трудовых мигрантов. Насколько можно судить, миграция и неформальная торговля строятся по принципу «микро-регионализации», соединяющей, скорее, отдельные регионы, чем целые страны.

«Интеграция снизу» и экономические институты

Наибольший интерес вызывает, однако же, не сам факт регионализации, а ее связь с институциональным развитием региона. Регионализация нередко возникает в «граничных точках» спектра развития. Регионализация крайне важна для регионов с низким уровнем институционального развития, где она выступает субститутom формальных институтов, более того, она может способствовать крайне высокому уровню развития, отражая высокий потенциал негосударственных игроков (*governance capacity*). В обоих случаях, однако же, влияние регионализации на институциональное развитие может различаться. Например, в средневековой Европе торговые гильдии смогли обеспечить интеграцию региона, несмотря на низкое качество формальных институтов (Greif, 2006), и в тоже время они стали источником монополизма и перераспределительной деятельности (Ogilvie, 2007). Далее мы рассмотрим три основные проблемы взаимодействия институциональной среды и «интеграции снизу».

Регионализация и стратегии реформ

Первый вопрос, который мы хотели бы рассмотреть, связан с влиянием моделей институционального развития в Центральной Азии на процессы регионализации. Страны региона сильно отличаются с точки зрения выбранных стратегий реформ и, соответственно, результатов экономического развития и институциональной структуры. Прежде всего, это касается двух ведущих государств Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана. Как уже говорилось, Казахстан в настоящее время является центром процессов регионализации, особенно в рамках «инвестиционной» модели, значительно опережая Узбекистан. Так почему же именно Казахстан, а не Узбекистан, оказался источником формирования региональных ТНК?

С точки зрения формальных институтов, Казахстан исторически реализовывал более последовательную модель либеральных реформ и вы-

сокой открытости для иностранных инвесторов (в последнее время сменившуюся менее благоприятными условиями для инвесторов, утративших некоторые важные активы, и большей значимости промышленной политики, скажем, в рамках кластерной инициативы). В то же время структура неформальных институтов, как и, скажем, в России и на Украине привела к формированию привилегированных бизнес-групп со значительными политическими и экономическими связями (Libman, 2006b). Узбекистан отказался от проведения широкомасштабных реформ, сохранив значительные масштабы государственного сектора и интервенций в экономику. Если до 1996 года результаты экономического развития Узбекистана значительно превосходили Казахстан, породив так называемое «узбекское чудо» (Spechler et al., 2004), то с 2000 года Казахстан остается лидером роста в регионе.

На наш взгляд, эти различия во многом определили лидерство Казахстана, а не Узбекистана, в структуре «инвестиционной» модели интеграции. Во-первых, частью либеральных реформ в Казахстане стало последовательное преобразование банковской системы, превратившее банки в мощных игроков, в конечном счете, и сыгравших ключевую роль в процессе регионализации. Во-вторых, в политико-экономической среде Центральной Азии успех регионализации возможен в том случае, если удастся найти равновесие между двумя крайностями.

В ситуации, когда взаимосвязь между государством и бизнесом в стране является чрезмерно сильной и формальной, политические проблемы, оказывающие негативное влияние на регионализм, смогут «заблокировать» процесс регионализации, а если бизнес-структуры недостаточно связаны с государством, они не в состоянии функционировать в среде со слабыми правами собственности. Именно сочетание формальной либерализации и неформальных привилегий для отдельных бизнес-групп в Казахстане (а не просто «проведение либеральных реформ»), стало ключевым фактором успеха. К тому же, бизнес-структуры Казахстана достаточно велики, чтобы успешно утвердить свое присутствие в других странах региона, но в то же время в достаточной степени «привычны» к нестабильной институциональной среде, чтобы успешно функционировать в Центральной Азии. Наконец, в-третьих, насколько можно судить, модель реформ Казахстана обеспечила сравнительно более успешное развитие *после* завершения трансформационной рецессии, оказавшейся более глубокой, чем в Узбекистане. Между тем, сама задача регионализации в постсоветском мире стала возможной лишь по прошествии определенного периода времени, когда первоначальные проблемы формирования независимых государств несколько ослабили и элиты укрепили свои позиции. С этой точки зрения, рост в Казахстане пришелся на «правильное время» для лидерства в процессах регионализации в Центральной Азии.

Определенное влияние на процессы регионализации в Центральной Азии оказали и модели реформ, и результаты экономического развития других стран региона. В некоторых случаях связь является достаточно очевидной.

Скажем, жесткое государственное регулирование всех аспектов экономики и общества в Туркменистане, естественно, делает сколь бы то ни было активное участие страны в «интеграции снизу» невозможным, а позиция России, в ходе разрешения последствий гражданской войны в Таджикистане, не могла не содействовать доминированию крупных российских корпораций в качестве инвесторов в этой стране, хотя в последнее время, стабилизация политического режима оказывает неоднозначный эффект на отношение к российским инвесторам (Абалкина и др., 2007). Сохранение значительной неформальной торговли и формирование масштабных потоков трудовой миграции во многом связано с экономическими проблемами большинства стран региона (кроме Казахстана), с одной стороны, и с жесткими государственными ограничениями для формальной торговли (особенно в Узбекистане и в Туркменистане) – с другой. Хотя политическая и экономическая нестабильность в отдельных странах данного региона (особенно в Кыргызстане) и оказывает негативное воздействие на приток иностранных инвестиций, в том числе и казахстанских, можно предположить, что последние (в силу общей готовности к деятельности в условиях слабых институтов, а также – в случае Кыргызстана – схожести моделей реформ в этой стране и Казахстане (см. Olcott, 2002, Spector, 2008)) в меньшей степени оказались подвержены неблагоприятным эффектам. То есть при *абсолютном* негативном эффекте *относительный* вес инвестиций из Казахстана увеличился. Возможно, имел место и определенный позитивный *абсолютный* эффект: скажем, вход российских компаний в экономику некоторых стран СНГ в отдельных случаях был связан именно со «слабыми институтами», но в данном случае мы можем лишь спекулировать относительно реальных процессов.

Регионализация и качество институтов

Противоположное направление причинно-следственной связи – от структуры регионализации к качеству институтов в странах Центральной Азии – исследовать несколько сложнее. В принципе, «интеграция снизу» может, как содействовать возникновению эффективных институтов, так и консервировать субоптимальное равновесие. Однако эффекты, опять же, различаются для инвестиционной модели и модели неформальной торговли. Первая представляет интерес с двух точек зрения. Во-первых, инвестиционная модель регионализации (как и развитие трудовой миграции) усиливает институциональную конкуренцию, то есть соперничество стран за привлечение мобильных факторов производства, путем трансформации регулирования и экономической политики. Институциональная конкуренция, как инструмент ограничения поиска ренты и эволюционного «выявления» предпочтений» игроков, может содействовать развитию более эффективных институтов (Vaubel, 2007). Во-вторых, транснациональные корпорации могут служить каналом передачи «лучших практик» и знаний, содействуя распространению эффективных институтов. Аналогичную роль может сыграть сеть трудовой миграции.

К сожалению, оба эффекта являются неоднозначными. С одной стороны, в институциональной конкуренции немаловажную роль может сыграть и «спрос на плохие институты», когда корпорации лишь поддерживают неэ-

эффективное равновесие (Libman, 2007). Между тем, формирование «спроса на плохие институты» в постсоветских моделях «кланового капитализма» в 90-е годы (Kosals, 2006) едва ли вызывает сомнения. Вопрос состоит, скорее, в том, является ли «спрос на плохие институты» стабильным или со временем будет преодолен (или уже преодолен) в процессе трансформации (Havrylyshin, 2007, p. 17). Ситуация на постсоветском пространстве в целом является столь же неоднозначной (Libman, 2006a), как и, собственно говоря, в Центральной Азии. Тем не менее, в Центрально-Азиатском регионе присутствует дополнительное измерение данной проблемы, связанное с высоким уровнем политической нестабильности в некоторых странах региона. Даже если инвестиции из постсоветских стран (Казахстана или России) являются менее требовательными, с точки зрения качества институтов, и могут в большей степени руководствоваться поиском привилегированного статуса или же стабилизировать полудемократические политические системы, также содействующие возникновению неэффективных институтов (Либман, 2007), и к тому же в долгосрочном плане являющиеся источником проблем экспроприации активов (hold-up) и, соответственно, подрывающие сами основы регионализации (Абалкина и др., 2007), альтернативой могут оказаться не рыночные реформы (как, скажем, в странах западного фланга СНГ), а экономический и политический хаос.

Схожие соображения можно привести в отношении второго канала воздействия регионализации на качество институтов. В отличие от европейских стран СНГ, для трансмиссии «хороших практик» через инвестиции Казахстана или России (значительно опережающих остальные страны Центральной Азии) в регионе едва ли существует, сколь бы то ни было жизнеспособная альтернатива – несмотря на все институциональные проблемы самих стран. В то же время, воздействие данного канала зависит от перспектив реформ в самих ведущих странах. С учетом краткого опыта реализации «инвестиционной модели» интеграции, делать выводы пока рано. К тому же, эффекты могут различаться для конкретных бизнес-групп, стратегии которых в отношениях с государством (как страны базирования, так и принимающих стран) сильно дифференцируются.

Воздействие неформальной торговли также является неоднозначной. Поскольку неформальная торговля часто возникает в условиях слабых формальных институтов, она может быть связана с формированием субинститутов формальных правил. В этой связи, оценка преимуществ и недостатков модели неформальной торговли аналогична дискуссии об эффектах неформальной экономики.

С одной стороны, она делает экономическое взаимодействие в принципе возможным, но с другой – неформальные правила, в силу их персонифицированного характера, менее эффективны, и, что особенно важно, формируют поведенческие рутины, препятствующие введению формальных правил в будущем. В этой ситуации возникает необходимость формирования формальных правил на основе неформальных прав собственности (впервые подмеченная Э. де Сото), но реализация подобных реформ является сложной задачей, особенно с точки зрения формирования стиму-

лов для политических игроков к реализации такой стратегии (incentive-compatibility). Поэтому формирование модели неформальной торговли может оказаться «лучшим из возможных» (constraint efficient) равновесий в существующих условиях, но в то же время стать тормозом для дальнейших преобразований в будущем.

Регионализация и регионализм

Последний вопрос, который мы хотели бы рассмотреть – взаимосвязь регионализации и формально-государственной интеграции. Как уже отмечалось, хотя в Центральной Азии и существует (достаточно ограниченная) сеть двухсторонних соглашений о свободной торговле (Kort and Dragneva, 2006, p. 9), развитие многосторонней интеграции и элементарное воплощение в жизнь достигнутых договоренностей сталкивается с постоянными трудностями. Тем не менее, идея региональной интеграции, как в контексте более крупных группировок (ЕврАзЭС, ШОС), так и специфических региональных объединений для Центральной Азии (Кузьмин, 2008) остается на повестке дня. Опять-таки, «инвестиционная модель» и «модель неформальной торговли» обладают различными эффектами с точки зрения воздействия на формально-государственную интеграцию.

Инвестиционная модель интеграции в той форме, которая реализуется в Центральной Азии, в принципе, способна стать дополнительным фактором, содействующим регионализму. Это связано с асимметричным характером как интеграции снизу, так и формальных интеграционных проектов, как правило, иницилирующихся Казахстаном. Поддержка инвестиционной активности казахстанских бизнес-структур в Кыргызстане, может свидетельствовать о том, что данная логика осознается и руководством Казахстана. В то же время мировой опыт асимметричной регионализации неоднозначен: если в Северной Америке инвестиции американских ТНК в Мексике стали фактором, содействовавшим переходу к формальной интеграции НАФТА, на постсоветском пространстве, активность российских корпораций на Украине не привела к усилению формальной интеграции.

В этой связи важно выделить следующее: как известно, дефицит демократии в странах-участниках интеграционной группировки способен стать серьезным тормозом на пути ее развития (Mansfield et al., 2002). Главной проблемой является соблюдение обязательств (commitment): отсутствие внутренних сдержек и противовесов в политической системе или непрозрачный характер принятия решений, во-первых, делают соблюдение принятых на себя обязательств объективно менее вероятным, а во-вторых, сокращают доверие между партнерами. Регионализация, в принципе, способна содействовать решению этих проблем. Во-первых, ее асимметричный характер может содействовать формированию так называемых международных иерархий (Lake, 2007) в значении, используемом в новой институциональной экономике, гораздо менее чувствительных к особенностям политической системы. Однако в этом случае важны не только само по себе существование асимметрии, но и их размах. Слабая асимметрия может лишь повысить уровень недоверия, не предоставляя игрокам никаких инструментов давления.

Действительно, скажем, политические элиты Кыргызстана на протяжении длительного периода времени скептически относились к казахстанским инвестициям. Однако в настоящее время – с учетом экономического роста Казахстана и политической нестабильности в Кыргызстане – ситуация меняется. Во-вторых, эффекты регионализации зависят от наличия взаимосвязи между инвестиционной экспансией и государственной политикой. Скажем, в отношениях России и Украины российский бизнес практически игнорирует результаты формально-государственной интеграции. Однако специфика отношений между государством и бизнесом в Казахстане свидетельствует, скорее, о способности государства оказать воздействие на формирование инвестиционных бизнес-стратегий. Все это заставляет предположить, что в отношении взаимодействия Казахстана и Кыргызстана, регионализация, в принципе, могла бы содействовать развитию регионализма³.

В отношении других стран региона ситуация является более сложной. Таджикистан мог бы участвовать в региональных проектах, следуя той же логике, что и Кыргызстан, но здесь ключевую роль (пока) играет позиция России. Узбекистан крайне скептически относится к иницилируемым Казахстаном региональным проектам (Кузьмин, 2008, Bohr, 2004) и во многих случаях предпочитает Россию Казахстану, как источник инвестиций (Абалкина и др., 2007, Хейфец и Либман, 2008). Это свидетельствует о том, что развитие «интеграции снизу» может как содействовать спросу на собственно центральноазиатский интеграционный проект, так и заставить некоторые страны искать противовес экономической экспансии Казахстана (например, в политическом влиянии России или даже Китая), и соответственно, строить свою политику в отношении формально-государственной интеграции.

Теоретически можно предположить, что регионализм, в свою очередь, будет содействовать регионализации, снижая уровень неопределенности и устраняя барьеры. Даже «интеграция на уровне риторики», увы, столь характерная для постсоветского мира, способна создать условия для роста государственной поддержки инвестиционной экспансии, как это, возможно, происходит в отношениях Казахстана и Кыргызстана (Кузьмин, 2008), хотя, с другой стороны, способна «транслировать» политические проблемы в экономическую плоскость.

Воздействие неформальной торговли на формальные интеграционные проекты, и наоборот, является неопределенным. Неформальная торговля является фактором роста социальной интеграции, создавая условия для последующей формально-государственной интеграции. С другой стороны, успехи в области формальной интеграции способны сдвинуть часть неформальных потоков в формальный сектор, улучшив защиту прав

³ Важно подчеркнуть, что основными игроками в экономике Казахстана являются именно частные бизнес-структуры, а тенденция к национализации отсутствует. Между тем, доминирование государственных бизнес-структур может снизить спрос на формальную интеграцию, поскольку само по себе взаимодействие на уровне бизнеса оказывается косвенной формой межгосударственного взаимодействия (Винокуров, 2008).

собственности и сократив возможности для злоупотреблений чиновников. Однако реальная проблема состоит не столько в том, почему люди предпочитают оперировать в *неформальном секторе*, сколько в том, почему некоторые из них *формализуют* свои трансакции (Панеях, 2008). А с этой точки зрения регион с традициями неформальной торговли, насчитывающими десятилетия (и уходящими еще в советское прошлое) может характеризоваться стабильностью неформальной торговли, даже в условиях меняющихся формальных институтов.

Заключение

Итак, в Центральной Азии действительно присутствуют отдельные элементы «интеграции снизу», однако их роль остается достаточно ограниченной. Бизнес-структуры Казахстана в последние годы резко увеличили свое присутствие в Кыргызстане, особенно в банковском секторе. В настоящее время государственные структуры («КазТрансГаз», «Казына») и правительство Казахстана начинают уделять все большее внимание поддержке и участию в инвестиционной экспансии; «Казына» участвует в разработке совместного инвестиционного фонда Казахстана и Кыргызстана (аналогичный фонд создан Казахстаном и Таджикистаном). Однако, даже по сравнению с инвестиционной экспансией российского бизнеса в СНГ, активизировавшейся в начале 2000-х годов, инвестиции Казахстана являются новейшим явлением, сформировавшимся в последние годы. С другой стороны, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан связаны сложной сетью неформальной торговли, лишь частично учитываемой статистикой. Речь идет о куда более старом феномене, основанном на традиционных экономических взаимосвязях в регионе и развитом в большей степени, чем в целом в СНГ (за исключением, возможно, непризнанных республик, где неформальная торговля также играет важную роль). Таким образом, в Центральной Азии присутствуют как элементы «инвестиционной модели» (Казахстан, Кыргызстан), так и «модели неформальной торговли» (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан). Последнюю, с учетом масштабной теневой экономики в регионе (доля теневой экономики в ВВП оценивается в 44.6% для Казахстана, 40.6% для Кыргызстана и 35.4% для Узбекистана в 2004–2005 гг. (Schneider, 2007), и до 60% для Таджикистана (Lenta.ru, 2007, 27 июня) не следует недооценивать. Таджикистан также вовлечен в структуры неформальной торговли, но в целом, в меньшей степени участвует в процессах регионализации и в большей степени связан с Россией. Роль Туркменистана остается незначительной. Точнее было бы говорить не о целостном процессе регионализации, а о цепочке процессов «микро-регионализации» в отдельных частях Центральной Азии, возможно, связанных между собой.

Структура регионализации в Центральной Азии во многом определяется особенностями стратегий реформ, выбранных отдельными странами. В частности, модель сочетания либеральных реформ и разгосударствления с сохранением связей между влиятельными политическими и бизнес-группами, реализовавшаяся в Казахстане, похоже, является «залогом успеха» для казахстанских ТНК. Эффекты регионализации для регионализма являются неопределенными, хотя, очевидно, скорее способны оказаться

положительными, чем в СНГ в целом, и во многом зависят от институционального развития экономики Казахстана. Наконец, в Центральной Азии регионализация, в принципе, способна содействовать регионализму, но делать более четкие выводы преждевременно.

Модель неформальной торговли представляется достаточно стабильной; ожидать качественных сдвигов в эффективности формальных институтов, сокращающих привлекательность неформальных каналов, на наш взгляд, едва ли возможно. Поскольку инвестиционная модель регионализации сформировалась в Центральной Азии лишь в последние несколько лет, достаточно сложно делать прогнозы относительно ее дальнейшего развития. По всей видимости, перспективы взаимодействия в сфере миграции и инвестиций напрямую зависят от перспектив экономики Казахстана. В этой связи немаловажной может оказаться реакция банковского сектора страны на глобальный финансовый кризис, формирование которого стало очевидным в 2007–2008 годах. Итак, ближайшие годы могут оказаться крайне важными для процессов «интеграции снизу» в Центральной Азии.

Литература

Абалкина А. Головнин М. Либман А. (2007) *Перспективы развития интеграционной группировки ЕвразЭС*. Москва: ИЭ РАН.

Абалкина А. (2007) Банковское сотрудничество в странах ЕвразЭС, как предпосылка их интеграции. *Континент партнерства*, 10.

Абашин С. (2007) Национализмы в Средней Азии. *Свободная мысль*, 7.

Винокуров Е. (2008) Атомно-энергетические комплексы России и Казахстана: Перспективы развития и сотрудничества. Отраслевой обзор ЕАБР. Апрель. ЕАБР: Алматы. Доступно на www.eabr.org/rus/publications/analytical-reports/

Казанцев А.А. (2005) Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе. *Полис*, 2.

Кайзер М. (2002) Евразия: социальная реальность или миф? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4.

Кузьмин Н. (2007) Нурсултан Назарбаев предложил Киргизии экономическую помощь и инвестиции казахских компаний. *Эксперт Казахстан*, 17.

Кузьмин Н. (2008) Союз несогласных. *Эксперт Казахстан*, 18.

Либман А. (2007) *Политическая логика формирования экономических институтов в России*. В: Рябов А., Липман М. (ред.): Пути российского посткоммунизма. Москва: Издательство Р. Элинина.

Миллер А. (2002) Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности. *Исторические записки*, 5.

Наследие Евразии (2007): Русский язык в новых независимых государствах. М.: Фонд «Наследие Евразии»

Панеях Э. (2008) *Экономика и государство: подходы социальных наук*. Публичная лекция на www.polit.ru.

Садовская Е. (2005) *Денежные переводы трудовых мигрантов: динамика, роль в мигрантских домохозяйствах и сообществах Центральной Азии*. В.: Тишков В., Филиппова Е. (ред.): Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Москва: УОП ИЭА РАН.

Садовская Е. (2006) Международная трудовая миграция и денежные переводы в республиках Центральной Азии: стратегия выживания или стратегия развития? В: Ионцев В. (ред.): Международная миграция: экономика и политика. Москва: ТЕИС.

Хейфец Б. Либман А. *Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства*. Москва: ЛКИ.

Шенк Ф.Б. (2001) Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе. *Политическая наука*, 4.

- Badykova, N. (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan. *Problems of Economic Transition*, 48 (8).
- Bartlett, D.L. (2001) Economic Development in the Newly Independent States: The Case for Regionalism. *European Journal of Development Research*, 13(1).
- Bell, J.H.J. & Pennings, J.M (1996) Foreign Entry, Cultural Barriers and Learning. *Strategic Management Journal*.
- Bohr, A. (2004). Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. *International Affairs*, 80 (3).
- Breslin, S. (2000) Studying Regions: Learning from the Old, Constructing the New. *New Political Economy*, 5 (3).
- Breslin, S. (2000a) Decentralization, Globalization, and China's Partial Re-engagement with the Global Economy. *New Political Economy*, 5 (2).
- Breslin, S. (2004) *Foreign Direct Investment in China: What the Figures Don't Tell Us. Mimeo.*
- Davidson, W. (1980) The Location of Foreign Direct Investment Activity: Country Characteristics and Experience Effects. *Journal of International Business Studies*, 11 (2).
- De Sousa, J. & Lamotte, O. (2007) Does Political Disintegration Lead to Trade Disintegration? Evidence from Transition Countries. *Economics of Transition*, 15 (4).
- Djankov, S.& Freud, C. (2002) Trade Flows in the Former Soviet Union. *Journal of Comparative Economics*, 30 (1).
- Dobson, W.& Yue, C.S. (1997), (eds.). *Multinationals and East Asian Integration*. Ottawa: IDRC/ISEAS.
- Elborg-Woytek, K. (2003) *Of Openness and Distance: Trade Developments in the Commonwealth of Independent States, 1993–2002*. IMF Working Paper WP/03/207.
- Evers, H.D.& Kaiser, M. (2000) Two Continents, One Arena: Eurasia. *Bielefeld Sociology of Development Research Centre Working Paper*, 328.
- Fidrmuc, J.& Fidrmuc, J. (2001) Disintegration and Trade. *ZEI Working Paper*, B24.
- Gleason, G. (2001). Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum. *Europe-Asia Studies*, 53 (7), pp.1077-1095.
- Grafe, C., Raiser, M.& Sakatsume, T. (2005) Beyond Borders: Reconsidering Regional Trade in Central Asia. *EBRD Working Paper*, 95.
- Greif, A. (2006) *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge University Press.
- Havrylyshin, O. (2007) Fifteen Years of Transformation in the Post-Communist World: Rapid Reformers Outperformed Gradualists. *CATO Institute Development Policy Analysis*, 4.

Ivakhnyuk, I. (2006) *Migration in the CIS Region: Common Problems and Mutual Benefits*. Mimeo.

Kawai, M. (2005) East Asian Economic Regionalism: Prospects and Challenges. *Journal of Asian Economics*, 16 (1).

Kort, J. & Dragneva, R. (2006) Russia's Role in Fostering the CIS Trade Regime. *Leiden University Department of Economics Research Memorandum*, 3.

Kosals, L. (2006) Interim Outcome of the Russian Transition: Clan Capitalism. *Kyoto Institute of Economic Research Working Paper*, 610.

Lake, D. (2007) Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics. *International Security*, 32 (1).

Leschenko, N. & Troschke, M. (2006) Fiscal Decentralization in Centralized States: The Case of Central Asia. *Osteuropa-Institut Munich Working Paper*, 261.

Libman, A. (2006a) Government-Business Relations and Catching Up Reforms in the CIS. *European Journal of Comparative Economics*, 3 (2).

Libman, A. (2006b) Structural Changes in the Economy and Industry of Kazakhstan. *INDEUNIS Paper*.

Libman, A. (2007) *Institutional Competition in the Post-Soviet Space*. Mimeo

Magone, J.M. (2006) *Paradiplomacy Revisited: The Structure of Opportunities of Global Governance and Regional Actors*. Mimeo.

Mansfield, E.D. Milner, H.V. & Rosendorff, B.P. (2002) Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreements. *International Organization*, 56 (3).

Meager, K. (1997) Informal Integration or Economic Subversion? Parallel Trade in West Africa. In: *Regional Integration and Cooperation in West Africa: A Multidimensional Perspective*. Ottawa: IDRC.

Mogilevsky, R. (2004) Role of Multilateral and Regional Trade Disciplines: Kyrgyzstan's Experience. *CASE Studies and Analyses*, 278.

Ogilvie, S. (2007) «Whatever Is, Is Right?» Economic Institutions in Pre-Industrial Europe. *CESifo Working Paper*, 2066.

Olcott, M.B. (2002) *Kazakhstan: Unfulfilled Promise*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.

Olimova, S. Kurbonov, S. Petrov, G. & Kahhorova, Z. (2006) Regional Cooperation in Central Asia: A View from Tajikistan. *Problems of Economic Transition*, 48 (9).

Peng, D. (2000) Ethnic Business Networks and the Asia-Pacific Economic Integration. *African and Asian Studies*, 35 (2).

Rafi Khan, S. Shaheen, F.H. Yusuf, M. & Tanveer, A. (2007) Regional Integration, Trade and Conflict in South Asia. *IISD Working Paper*.

- Schneider, F. (2007) *Shadow Economies and Corruption all over the World: New Estimates for 145 Countries*. Mimeo.
- Spechler, M.C. (2000) Regional Cooperation in Central Asia: Promises and More Promises. *PRAXIS – The Fletcher Journal of Development Studies*, 16.
- Spechler, M.C. Bektemirov, K. Chepel', S. & Suvankulov, F. (2004) The Uzbek Paradox: Progress without Neo-Liberal Reform. In: Ofer, G. & Pomfret, R.W. (eds.): *The Economic Prospects of the CIS: Sources of Long-Term Growth*. Edward Elgar.
- Spector, R.A. (2008) Securing Property in Contemporary Kyrgyzstan. *Post-Soviet Affairs*, 24 (2).
- Taneja, N. (2001) Informal Trade in SAARC Region. *Economic and Political Weekly*, March 17.
- Ufer, H. & Troschke, M. (2006) Fiskalische Dezentralisierung und regionale Disparitaeten in Kasachstan. *Osteuropa-Institut Munich Working Paper*, 262.
- UNDP (2006). Regional Cooperation in Central Asia: A View from Kyrgyzstan. *Problems of Economic Transition*, 48 (8).
- Vahtra, P. (2005) 'Russian Investments in the CIS – Scope, Motivation and Leverage', Manuscript of the Pan-European Institute, *Turku School of Economics*, 9.
- Vaubel, R. (2007) *A History of Thought on Institutional Competition*. Mimeo.
- Vinokurov, E. (2007) Financing Infrastructure in Central Asia: Water and Energy Nexus. *World Finance Review*, Spring, 135-139.